

[Главная](#) > [Искусство](#) > [Любовь к Атлантиде](#)
07/03/2014, 10:00

Любовь к Атлантиде

«Манифест "ТриВА"». Новосибирск, Сибирский центр современного искусства. 7 февраля – 20 марта 2014.

Владимир Соколаев. Атлеты, мечущие бревно. Парк ВОДНАЯ. Новокузнецк. 28.06.1987.

Владимир Соколаев. Атлеты, мечущие бревно. Парк ВОДНАЯ. Новокузнецк. 28.06.1987.

«ТриВА» – три новокузнецких фотографа, Владимир Воробьев, Владимир Соколаев, Александр Трофимов, работавших на Кузнецком металлургическом комбинате и организовавших фотообъединение. Полное название - «Творческое фотографическое объединение профессиональных фотографов «ТриВА». Название расшифровывается просто: три участника, два Владимира, один Александр. «ТриВА» имела устав, была официально зарегистрирована как творческое объединение в городских органах власти, но просуществовала немногим больше года – советские партийные и государственные чиновники увидели в снимках очернение действительности, группа прекратила существование, а в скором времени участники группы были уволены из кино-корреспондентского пункта КМК. После этого пути членов «ТриВА» разошлись, каждый как самостоятельный фотограф состоялся, на счету каждого достаточно выставок, выставлялись и некоторые из фотографий, вошедших в выставку «Манифест «ТриВА»», – но в одну экспозицию, представляющую именно творческое объединение «ТриВА», фотографии собраны впервые. Из трех членов группы на первой выставке «ТриВА» в Томске были двое – Соколаев и Трофимов. Владимира Воробьева не стало в 2011 году.

Выставка подготовлена Сибирским филиалом Государственного центра современного искусства и впервые была показана без малого год назад в Томском областном художественном музее, в сентябре – в параллельной программе Десятой Красноярской биеннале, в декабре – в Санкт-Петербурге, в музее «Эрарта». В марте этого года стало известно, что выставка вошла в шорт-лист премии в области современного искусства «Иновация» в номинации «Региональный проект».

«ТриВА» попала в число финалистов «Иновации» более чем заслужено – возможно, это самое значительное открытие в истории российского документального фото за последнее время. Это снимки очень высокого уровня по любым меркам, при том что в «Манифесте «ТриВА»» представлена меньшая часть работ фотогруппы, в архивах своей очереди ждут несколько тысяч негативов. То есть впечатляют и уровень мастерства, о масштаб работы.

Александр Трофимов.Новосел Ордженкидзевского района. Новокузнецк. 1984.

Александр Трофимов. Новосел Ордженкидзевского района. Новокузнецк. 1984.

Важно и то, что тридцатилетней давности кадры странным образом оказались актуальны именно сейчас, – ощущение возрождающегося «совка» все сильнее во всех сферах: в политике, культуре, общественной жизни. Не говоря уже о ностальгии по «советской цивилизации», которой подвержены все поголовно, от ветеранов, чья молодость пришлась на годы социализма, до молодых людей, родившихся после распада СССР и знающих о жизни в затонувшей «атлантиде» лишь по рассказам старших и телевизионной мифологической картинке. Вокруг этой выставки уже кипят споры – кто благодарит организаторов за возможность вернуться в молодость или детство, кто умиляется стране, которую мы потеряли, кто клеймит и авторов и особенно организаторов как антисоветчиков и диссидентов.

Слово «манифест» в названии выставки, в общем-то, от лукавого – у участников группы действительно были некие принципы съемки, но письменно они никак не были зафиксированы. Снимать объективом 50мм, без постановки, без кадрирования и фотообработки. Кураторы сравнили эти принципы с манифестом «Догмы» – хотя больше эти положения похожи на принципы агентства «Магnum», сформулированные Картье-Брессоном. Новокузнецкие фотографы вряд ли об этих принципах знали – в индустриальном сибирском городе трудно было с информацией о том, что происходит в мировой фотографии. Как, впрочем, и с тем, что происходит в литературе или искусстве. За железный занавес легче всего проникла музыка, а со всем остальным был большой напяр. Владимир Соколаев рассказывал, что они серьезно изучали альбом зарубежных фотографов по тем изданиям и альбому, которые разными путями попадали в руки. Например, большой альбом лучших фотографий журнала Life, который хозяин отказался продать, они просто пересняли. Надо думать, изучение зарубежных классиков не прошло даром.

Владимир Воробьев. Пассажира последнего вагона. Новокузнецк. 1983.

Владимир Воробьев. Пассажира последнего вагона. Новокузнецк. 1983.

Вобщем, эта история типична для того времени и знакома до боли: встречаются несколько талантливых молодых людей, органически не принимающих официальное искусство, много разговаривают, показывают друг другу написанное и снятое, добывают правдами и неправдами самиздат, перепечатавают его и переснимают, ищут пути публикации и выставок в обход местного творческого союза...

Отметим специфику деятельности расплавленного фотоаппараты не годились для съемки в цехах завода, например, в литейной, не справляясь с перепадами яркостей расплавленного металла. На выставке в Новосибирске один из пожилых зрителей, вглядываясь в фотографии, радостно воскликнул, обращаясь к своему ровеснику: «Зенитом» снимали!» «Или Киевном...» – ответил тот. Как бы не так. Даже не «Практикой», мечтой юных фотолюбителей – а «Кэноном ЕФ» и «Лейками». Чего стоило купить – с рук или в комиссионке – «Кэнон» или «Лейку» – хорошо представляют те, кто жил тогда, где и «Зоркий» был страшным дефицитом. Членом «ТриВА» еще повезло в том смысле, что они работали на КМК, огромном режимном предприятии, пользовались заводской студией, имели доступ в любой уголок этого города в городе, снимали и жизнь людей вне работы. Студия заводских фотографов позволяла работать в цехах, больницах, школах, на парадах – и задача была только в том, чтобы ловить в объектив реальность как она есть, без какой-либо попытки ее изменить.

Александр Соколаев. Проводы Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова в актовом зале ЗСГУ. Новокузнецк.

Александр Соколаев. Проводы Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Андропова в актовом зале ЗСГУ. Новокузнецк.

С местным фотолюбительским отношением не заладились сразу – отторжение было не столько политическое, сколько идеологическое. Абсолютное отсутствие постановки в стране, где даже самые «документальные», иконические кадры были самой что ни на есть постановкой – чистая идеологическая диверсия. Можно вспомнить Андрея Синявского, говорившего о том, что эстетические разногласия гораздо глубже идеологических. Не случайно неприятие у «ТриВА» к тому времени успела почувствовать в разных выставках, в том числе и зарубежных, и «пришить» к ним ярлык диссидентов не вышло – все фотографии они послали за границу согласно утвержденным формам, скрывать было нечего. Тем не менее, начались проверки партийными органами, по настоятельной рекомендации Кемеровского обкома КПСС регистрация фотогруппы «ТриВА» была аннулирована, а администрация Кузнецкого металлургического комбината заменила весь творческий состав кинофотолаборатории. Официально группа «ТриВА» просуществовала с апреля по конец января – меньше года.

Давление, вспоминает Владимир Соколаев, было сильным, знакомые переходили на другую сторону улицы, чтобы не здороваться, и хотя до непосредственного вмешательства КГБ дело не дошло, под угрозой обсков фотографы начали уничтожать архивы. Хорошо, что не уничтожили все, большая часть негативов сохранилась и уже оцифрована. Панику и партийно-государственных органов, столкнувшихся с работами «ТриВА» и различивших в предельно объективированном взгляде на позднесоветскую действительность «очернение» и подвры социалистического строя, можно понять. Образ Новокузнецка настолько не совпадал с мифологическим «городом-садом», что у властей не оставалось иного выхода как группу разогнать. Хотя сами фотографы и сейчас уверены, что никакой иной задачи кроме как документирования действительности, они не ставили.

Владимир Воробьев. Женщина с суповым набором. Новокузнецк. 1984

Сегодня от этих черно-белых фотографий тридцатилетней давности напрочь сносит крышу, особенно у тех, кто хоть по касательной застал ту «прекрасную эпоху». О профессионализме даже не надо говорить – хотя очевидно, что такая вовлеченность фотографа в событие, позволяющая ему сделать сильную фотографию, имея возможность потратить один, максимум два кадра – дорогого стоит. Особо стоит отметить, что все фотографии сделаны на очень ежедневном, будничном материале, разглядеть в котором зерно события крайне непросто. Чай, не большая политика, не война, не дальние страны. На выставке прозвучал такой возглас: «Да Картье-Брессон просто лентяй рядом с этими ребятами!». Слышем на вовлеченность зрителя в материал, и все-таки взгляд отчасти верный. Выставка работает как машина времени, открывая окно нуль-транспортировки в конец периода зстоя и начало перестройки, эмоционально включая зрителя во временной контекст буквально с первого взгляда.

Авторы, подчеркивая документальность и объективность, соответствующим образом оформляли и подписи к снимкам: название, место и дата. От этой скрупулезной точности фотографии приобретают достоверность документа – чем, собственно, и являются. Но при всем дедариреумом объективности эмоциональный диапазон этих фотографий крайне широк: от восхищения будничным героизмом труда металлургов до едкой сатиры, от лирического этюда до абсурдистской мизансцены; с различными градациями иронии и юмора. Например, фотография «Человек в маске и человек, несущий дверь» – понятно, что у этого кадра есть совершенно рациональное объяснение: человеку сделали офтальмологическую операцию, и он носит маску, чтобы защитить глаза от дневного света. Но выглядит это как иллюстрация к бахчанювскому лозунгу про Кафу, сделанного болью. Другой полюс – когда конкретное остановленное мгновение вырастает до философской притчи или символа. Например, «Счастье» – женщина, идущая на демонстрацию с транспарантом с надписью «Счастье» мимо окна, в которое смотрит человек. Или «Перпендикулярно идущий» – человек, пересекающий улицу, перед колонной демонстрантов в флагами и портретами вождей.

Практически любая фотография годится для иллюстрации исследования о повседневной жизни советского человека 80-х годов. Мы видим снятые с невероятной достоверностью приметы советской «атлантиды», артефакты утраченной материальной культуры – треугольные пакеты молока, кассовые аппараты в транспорте. Многие вещи надо объяснять подробно и терпеливо, иначе не поверят: что такое опаливание кассы на улице, что такое соревнования по производственной гимнастике. Работы «ТриВА» показывают эту ушедшую на дно истории «атлантиду» без глянца идеализации и ностальгии, во всем трагизме, напыщенности, официозе и абсурде.

Александр Трофимов. На крыше электросталепоплавильного цеха в Комсомольске-на-Амур.1982

Александр Трофимов. На крыше электросталепоплавильного цеха в Комсомольске-на-Амур.1982

Сегодняшние споры вокруг этой выставки, участники которой снова обвиняют фотографов в недостатке оптимизма и очернительстве, очень показательны и много говорят о состояниях нашей коллективной памяти. Интересно и то, что работы «ТриВА» не пришли ко двору ни в перестройку, ни после, в 90-е годы, когда спрос на «чернуху» был высок. Уместно вспомнить анекдот про плохую промоушн – к тому моменту связи между членами группы распались, все занимались другими делами. Новокузнецкая фотография между тем достаточно хорошо известна – главным образом благодаря творчеству фотографа Николая Бахарева с его плажными сериалами и «хорошотскими» ню. Работы Бахарева в этом году были включены куратором Массимилиано Джони в основной проект Венецианской биеннале – но творчество группы «ТриВА» является более значительное, до сих пор остается практически неизвестным не только широкой публике, но и профессионалам.

Полностью о масштабе и значении возвращения «ТриВА» можно будет судить, наверное, после более полного знакомства с архивными материалами. Но и сейчас можно сказать, что «ТриВА» – одна из самых знающих пустотой страны в истории в истории советской и российской фотографии, большое «белое пятно». Выставка – только первый шаг в сторону восстановления справедливости, которой, как мы знаем, и «искусстве не бывает».

[выставки 2014 советская фотография Сибирь Сергей Самойленко выставки в Новосибирске](#)